УДК 338.1

JEL: R11, R12, O18

DOI: 10.17213/2312-6469-2020-2-337-345

ТЕНДЕНЦИИ СУБЪЕКТИЗАЦИИ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ ПРОСТРАНСТВЕННОМ ФОРМАТЕ

© *Н.К. Попадюк* 2020

*Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия*

Статья показывает тенденции обретения городами и регионами черт субъектности как новый тренд в регионально-пространственном миропорядке. Показано, что до начала нарастающего глобального финансово-экономического кризиса многие найденные инновации Евросоюза могли бы быть использованы и в отечественной регионалистике. В условиях ожидаемого разворачивания кризиса субъектность городов и регионов, ожидается, примет другие формы. Понимая тенденции субъектизации городов и регионов и логику этого кризиса, можно минимизировать его негативное воздействие.

Ключевые слова: *нарастающий глобальный финансово-экономический кризис, глобализация, субъектизация городов и регионов, повышение их роли в проведении своей политики, организационные формы территориальной организации и концентрации, городские агломерации.*

TRENDS IN THE SUBJECTIVIZATION OF CITIES AND REGIONS IN THE EMERGING SPATIAL FORMAT

© *N.K. Popadyuk* 2020

*The Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

The article shows the trends of acquisition of subjectivity features by cities and regions as a new trend in the regional-spatial world order. It is shown that before the beginning of the growing global financial and economic crisis, many of the EU innovations found could be used in domestic regionalism. In the context of the expected development of the crisis, the subjectivity of cities and regions is expected to take other forms. By understanding the trends in the subjectivization of cities and regions and the logic of this crisis, we can minimize its negative impact.

Keywords: *the growing global financial and economic crisis, globalization, subjectivization of cities and regions, increasing their role in conducting their policies, organizational forms of territorial organization and concentration, urban agglomerations.*

Усложнение внутренней конфигурации пространственного размещения городов в регионах страны характеризуется «стягиванием» трудовых квалифицированных ресурсов в городские агломерации. Усиление территориальной конкуренции происходит как между субъектами федерации, так и между городами. Имплицитно происходит понимание, что квалифицированные специалисты действительно приобретают свойства так называемого человеческого капитала, если их участие в компаниях генерирует доходы в них и соответственно - в регионы и города. Причем в этом видится исключительно прагматический подход, что для рыночной экономики характерно и даже закономерно. И происходит он стихийно, как и «положено» неотлаженному рынку.

В приведенном утверждении особой новизны нет – оно отражает достаточно известный факт, но его упоминание здесь необходимо, потому что за этими процессами скрывается относительно новый феномен: сами города приобретают черты субъекта, преследующего свои местнические интересы. То обстоятельство, что город в силу своего исторического развертывания как определенного «узла» межрегиональных и внутрирегиональных территориально-производственных связей и отношений на разных этапах всемирной истории объективно был субъектизирован, писали еще классики, не акцентируя на этом внимания. Так, например, К.Маркс отмечал, что у древнегреческого полиса, кроме рабов для obsługi семей-фил, были и городские рабы, которые выполняли за пределами города работы, обеспечивающие полис как целостность сельскохозяйственными продуктами труда или строительными камнями из каменоломен. Средневековые города имели своих крестьян, работающих на нужды города за его пределами, кроме крепостных, имперских и т.п. Ф. Энгельс писал: «На крестьянина ложилась своей тяжестью вся общественная пирамида: князья, чиновники, дворянство, попы, патриции и бюргеры. Принадлежал ли он князю, имперскому барону, епископу, монастырю или городу» [1, с. 356].

Академик А.Г. Гранберг в свое время отметил такие тренды: превращение региональных органов государственного управления, с одной стороны, в квазигосударство и, с другой, - в квазикорпорации [2, с. 83]. В первом случае, напомним, региональные органы государственного управления фактически приобретают набор инструментов, ранее характерных исключительно для государства, а это несет угрозу превращения такого региона в реальное государство через его последующую суверенизацию. Усиление кризисных явлений, которые характерны для современного мира, обусловит стремление использовать весь объем доходов, собираемых на территории, для своих нужд, не передавая в центр собираемые налоги, а затем и вообще дистанцировавшись от центра. В отечественной истории такой период был в 1990-е годы и назывался «парад суверенитетов». В кризисные периоды развития стран, когда центр уже не может контролировать деятельность региональных органов управления, последние начинают всю экономическую

деятельность затягивать на себя, и это называется *централизация в рамках раздробленности*.

Во втором случае региональные органы управления начинают использовать управленческие технологии корпоративного менеджмента, его принципы и методы, включая при необходимости и технологии поглощения и слияния для корпораций, которые, в конечном счете, способствуют усилению инвестиционной привлекательности. В обоих случаях акцент ставится на процессах, но не на субъектах.

Марксом в свое время было отмечено, что капиталистически более развитая страна показывает менее развитый путь в ее будущее и само это будущее. Одной из ведущих стран в отлаженных механизмах государственного менеджмента, которая потенциально может показать России ее будущее, выступает Англия, раньше всех опробовавшая приватизацию государственных компаний и обеспечивающих их функционирование профильных видов деятельности, а также - государственно-частное партнерство. Здесь, в Англии проявилась должным образом и субъектность государственных и муниципальных организаций в части формирования ими своих коллективно-общих интересов.

Однако следует отметить, что Англия также первой продемонстрировала внутренние ограничения этого пути, благодаря исследователю Колину Краучу. В его книге «Странная не-смерть неолиберализма» есть даже глава «Приватизированное кейнсианство» [3, с. 58], характеризующая уже не приватизацию имущества, а приватизацию функций государственного управления и подчинения их напрямую частному бизнесу, что показано на примере государственной политики в форме кейнсианства: как складываются альянсы, когда все тендеры, организуемые государственными органами, их проводящими, выигрывают одни и те же компании, независимо от отраслевого наполнения того или иного заказа. Поэтому здесь впору говорить не только о личной унии чиновника в проектах, проводимых частным сектором в лице «карманных фирм» по выигранным у государства тендерам, но и о *коллективно-личной унии всего того или иного департамента* [3]. Таким образом, наметившаяся субъектность регионального органа управления, потенциально несущая свое разворачивание как смену устоявшейся модели государственного управления, «свернулась» к коррупционной схеме, ограничившей возможности его субъектизации. В России субъектизация государственных органов происходит на федеральном уровне, хотя пока это происходит латентно, внутри самих ведомств, но имеют место существенные новации по изменению внутренней структуры и функций для лучшего осуществления возложенных функций [4], повышающие уровень субъектности внутриведомственных подразделений. Отчасти аналогичные процессы инициируются проектными офисами внутри федеральных органов исполнительной власти. Максимизация инсорсинга при минимизации аут-

сорсинга [4, с. 39-42] при внедрении организационных инноваций в рассмотренных федеральных органах исполнительной власти, снижает риски, описанные К.Краучем, в российских компаниях.

Корпоратизация региональных органов государственного управления в результате бюрократических альянсов с корпоративным сектором компаний, расположенных на подведомственной территории, и вследствие появления корпоративной и личной унии чиновников в них ограничивает возможности субъектизации.

В мире до того, как появились первые симптомы глобального финансово-экономического кризиса, наблюдалась смена парадигмы регионального управления социально-экономическим развитием. Известно, что для развития крупного бизнеса он с необходимостью нуждается в постоянной «подпитке» малым и средним бизнесом, откуда черпаются стартапы, идет рекрутирование передовых менеджеров, талантливых носителей инновационных идей. Интересно заметить, что и на уровне регионов наблюдается нечто схожее, но с учетом специфического характера региональных субъектов деятельности. В индустриально развитых странах происходит, в том числе и в части реализации субъектности органов регионального управления, максимальная ориентация на вовлечение «естественно сложившихся пространственно-производственных мест, в которых воспроизводятся силами малых и средних предприятий почти традиционные виды деятельности, становящиеся основой кооперационных сетей по поставкам комплектующих и деталей для производств, в т.ч. и высокотехнологичной продукции, ориентированных на внешний спрос производителей» [5, с. 48].

Установка региональных органов управления на использование возможностей местной производственной базы в кооперации с другими регионами, получившее название регионализации, до начала глобального финансово-экономического кризиса в 2008 году приобретала характер новой региональной политики всего ЕС. Так, созданная для разработки и проведения региональной политики надгосударственного уровня Ассамблея европейских регионов ЕС, объединившая 300 европейских регионов, своей основной целью имела содействие процессам регионализации в Европе, межрегиональному сотрудничеству и усилению роли регионов в процессе европейской интеграции, что было закреплено в принятой Декларации о регионализме в Европе (1996 г.) [5, с. 6]. Открывающиеся (благодаря сформированному на начало кризиса институтам) возможности капитала свободно перемещаться в те регионы, где органы управления создают благоприятные условия для возврата вложенных инвестиций, также были ограничены начавшимся кризисом, усугубленным миграционным кризисом. Почти во всех индустриально развитых странах ЕС значительно возросла роль органов местного самоуправления в составлении и проведении муниципальной политики: «сегодня местные органы власти разных уровней играют едва ли не ключевую роль в разработке и проведении региональной политики»

[5, с. 9]. В литературе отмечено, что «административные реформы и либерализация системы государственного регулирования экономики, имевшие место в Италии в 1990-е годы, привели к усилению местной автономии и превращению регионов в субъекты социально-экономического развития страны» [6, с. 44].

Также в литературе отмечено, что «в глобальной экономике конкуренция развивается не между отдельными товарами, производителями и производственными системами, но между отдельными территориями. При этом территория рассматривается не как некое географическое пространство или административная единица, в рамках которой принимаются решения и реализуются отдельные проекты, но как территориальная общность экономических и социальных акторов, разделяющих общие цели локального развития и способных совместными усилиями вырабатывать и реализовывать стратегию повышения конкурентного потенциала территории» [6, с. 47]. Следует отметить, что, как и конкурентоспособность региона, потенциал территории в определяющей степени есть способности региональных органов исполнительной власти и местных органов самоуправления сотрудничать не только непосредственно с ключевыми компаниями на подведомственной территории, но и с представительными органами крупного и среднего бизнеса. Это и есть их субъектность, раскрывающаяся как целеполагание, координация через согласование и деятельность. В результате - территориальная общность хозяйственных акторов, с которыми были согласованы общие цели локального развития, и территориальные органы государственного управления совместными усилиями могли вырабатывать и осуществлять политику повышения конкурентного потенциала территории как создание благоприятных условий для всех договаривающихся сторон.

В связи с этим следует заметить: привлечение иностранных инвестиций через транснациональные компании (ТНК) создает условия относительного благоприятствования не для всех жителей данной территории, которые, конечно, также имеют некоторые позитивные моменты от деятельности на их территории новых предприятий и организаций.

В литературе отмечалось, что в странах ЕС в последние 20-25 лет появились новые силы на региональном и местном уровнях, «заинтересованные самым непосредственным образом в эффективном развитии своих регионов и способные влиять на проведение соответствующей политики... [и] ... все активнее начинают участвовать в определении целей и проведении региональной политики, выработке инструментов и форм вмешательства, в контроле за реализацией основных задач – формирующиеся на местном уровне локальные движения и организационные структуры – ассоциации промышленников и предпринимателей, торговые палаты, профсоюзы, университеты» [5, с. 9-10].

Например, в Италии в территориальной производственно-коммерче-

ской системе образовались новые организационные и пространственные системы взаимодействия малых и средних предприятий с крупными: «производственная территориальная платформа» и «технологическая платформа». В них должны были осуществляться «стратегические программы модернизации производственного потенциала территории, а также ее включение в глобальную систему» [6, с. 51], для чего происходит преобразование промышленных округов в «местные производственные системы» [6, с. 71] для стимулирования внедрения технологических инноваций в деятельность малых и средних предприятий в регионе.

Приведенные примеры пространственных систем в Италии, если бы не разразился мировой финансово-экономический кризис, который, как утверждают эксперты, достигнет апогея в 2021-2024 гг., смогли бы образовать кластеры, где были бы объединены как традиционные, так и современные производства в единые целостные формирования. Они и должны были сформировать регионы-квазигосударства и регионы-квазикорпорации, о которых говорил А.Г. Гранберг.

В связи с этим обостряется такая проблема, как формальный характер финансовой глобализации. Финансовый капитал, генерирующий финансовые потоки вместе с созданной для его функционирования финансовой инфраструктурой, по своей сути «схватывает» формальную сторону обобществления производства, сохраняя под указанными финансовыми потоками реально не обобществленный сектор экономики. А это – благоприятные условия для бюрократизации, для которой как раз характерна формальная сторона функционирования систем. Поскольку такая структура устойчиво и бесперебойно может функционировать только при постоянном генерировании потока финансовых ресурсов, увеличивающегося в своей массе, то при малейшем сбое необходимым становится опираться на реальный сектор, а в реальности его, обобществленного до уровня финансовых потоков, нет.

Новацией в организации регионального взаимодействия в Европе могла стать, если бы не Брекзит, такая появившаяся в Англии организационная форма взаимодействия субъектов управленческой и хозяйственной деятельности на новой цифровой «площадке», как платформа «Развитые продюсерские услуги». Это – институционализированная форма кооперации, представленная как своеобразная концентрация деятельности городов, географически рассеянных по стране, в сетевых организациях как «виртуальная» агломерация деятельности узкопрофессиональных компаний в кластерах глобальных городов [6, с. 92]. Подобно тому, как в США Ричард Флорида определил агломерации агломераций как мегарегион [8], так в Великобритании такие агломерации агломераций получили название мегасити-регионов, городов-регионов. Функционирование этих сетевых форм кооперации между городами обуславливало ситуацию, когда «города начинают развиваться из моноцентричных городских образований в полицентричные,

что в ближайшем будущем приведет к растущей взаимозависимости и более тесным связям между городами и регионами, сформировав таким образом полностью интегрированную экономику» [7, с. 114].

До кризиса предполагалось, что Европе государств сменит Европа регионов, в которой роль регионов должна была вырасти настолько, что могла сделать современные национальные государства Евросоюза *бывшими национальными государствами*. Предполагалось, что Европа регионов станет долговременным трендом, способным обеспечить реальную экономическую интеграцию. В связи с этим регион как квазигосударство на деле мог бы аккумулировать все больше финансовых ресурсов, ранее принадлежавших исключительно национальному центральному государственному аппарату. Но глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году и набирающий темпы разворачивания, на длительное время закрыл проект Европы регионов.

В то же время следует отметить, что предкризисное развитие Евросоюза продемонстрировало самые прогрессивные инновационные подходы региональной политики и новых тенденций в пространственных системах интернационализирующегося союза. И в этом есть значительный вклад в теорию региональных систем начала XXI века, который надлежит детально изучить в посткризисный период.

Однако есть основания предполагать, что Европа в предкризисный период не избавилась от проблем, на устранение которых, казалось, и были направлены новые организационные формы размещения и территориальной кооперации. Региональные реформы ведущих стран Евросоюза в докризисный период, «структурные преобразования в экономике развитых стран, вызванные глобализацией и формированием нового международного разделения труда, привели к тому, что социально-экономические дисбалансы сегодня не только существуют между отдельными регионами, но и постоянно возникают внутри самих регионов. В развитых регионах появляются ареалы, переживающие упадок, тогда как в отсталых областях возникают новые полюса роста» [5, с. 5]. Есть более глубинные причины, препятствующие рациональному урегулированию региональных диспропорций Европы. Глобальный финансовый кризис, начавшийся в 2008 году, в 2019 году получил новый «импульс», демонстрируя тем самым, что что-то не «срабатывает» по существу. В каждой стране «набор причин, вызывающих «пробуксовку» региональных реформ, одет в «национальный мундир», но для всех них характерно наличие общей причины - неспособности при существующей модели общественно-политического устройства действительно обеспечить торжество рационального регулирования в интересах национальных государств или, как это видно в усугубляющемся кризисе Евросоюза, в интересах межгосударственных объединений» [8, с. 223].

Трактовок сбоя проекта Европы регионов после Брекзита появилось много. Не уменьшилось их количество и после выхода Великобритании из

Евросоюза в 2020 году. Много таких «обобщающих» диагнозов, что-де образование наднационального уровня в принципе не может обеспечить скоординированное и пропорциональное развитие составных своих частей – регионов, и развал такого государственного устройства якобы предопределен. При этом зачастую приводят в пример бывший Советский Союз. Однако в таких «обобщениях», если речь идет не об элементарном непонимании разнорядковых процессов, что присутствует в достаточно широких масштабах и среди научного сообщества, имеет место лукавство. Определив основных совместно-групповых субъектов деятельности, целесообразно рассмотреть, какие формы принимает сама деятельность. Назвать всю деятельность трудовой нельзя. Потому что имеет место такая деятельность, как, например, социализирующая деятельность города, все более урбанизирующая горожан. Понятно, что трудом такую деятельность назвать нельзя, по крайней мере, как он традиционно понимается [8, с. 223].

Таким образом, обретение субъектности городами и регионами представляет собой следующий этап после освоенной городами, начиная с древнегреческих полисов, субъектности. Представляется, что понимание логики этого феномена позволит существенно ускорить процесс территориального регулирования воспроизводственных пропорций в России.

Литература

1. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 7. – С. 356.
2. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – 3-е изд. – М.: ГУВШЭ. 2003. – 495 с.
3. Крауч К. Странная не-смерть неоллиберализма /Колин Крауч; пер.с англ. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – 272 с.
4. Новации во внутренней организации и управлении федеральными органами исполнительной власти: Монография / Под общ. ред. С.Е. Прокофьева, Н.К. Попадюка, О.С. Семкиной. – М.: Издательство Экспо-Медиа-Пресс, 2015. – 135 с.
5. Введение // Животовская И.Г., Черноморова Т.В. Региональное развитие и вызовы глобализации: Сб. обзоров и рефератов / ИНИОН РАН. Центр научн.-информ. исследов. глобальных и региональных проблем. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – 172 с.
6. Черноморова Т.В. Влияние глобализации на развитие регионов Великобритании // Региональное развитие и вызовы глобализации: Сб. обзоров и рефератов / ИНИОН РАН. Центр научн.-информ. исследов. глобальных и региональных проблем. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – 172 с., с. 90-118.
7. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. – М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 368 с.
8. Попадюк Н.К. Век возрождения Востока. Очерки политэкономической антропологии. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 800 с.

*Поступила в редакцию**20.02.2020*

Попадюк Никита Кириллович – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия.

Popadyuk Nikita K. – Doctor of Economics, associate professor, professor of the Public Administration Dept, Financial University under the Government of the Russian Federation Moscow, Russia.

Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский пр., 49
49, Leningradski ave., Moscow, 125993, Russia
e-mail: NKPopadyuk@fa.ru